

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 14

DOI: 10.17223/1998863X/48/7

О.И. Целищева

НЕОПРАГМАТИСТСКАЯ РИТОРИКА Р. РОРТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РЕЛЯТИВИЗМА Т. КУНА¹

В статье рассматривается неопрагматистская позиция Рорти в отношении релятивистской истории науки, представленной Куном в концепции структуры научных революций. Перенос основных ингредиентов куновской методологии науки на философию обусловил новую риторику для прагматистской версии релятивизма. Такая риторика иллюстрирует основное противоречие в философии Рорти: стремление к объединению совершенно разных фигур в скроенную им концепцию «реактивной» несистематической аномальной философии как альтернативы аналитической философии.

Ключевые слова: неопрагматизм, риторика, Рорти, Кун, эпистемолого-онтологическая иерархия, релятивизм, естественные науки, гуманитарное знание.

Хотя «Философия и зеркало природы» Р. Рорти [1] считается манифестом неопрагматизма, имя Т. Куна упоминается в ней не реже, чем Т. Дьюи. Вслед за историей и методологией науки, ставшей жертвой экспансии релятивизма, которую связывают в первую очередь с именами Куна, Лакатоса, Фейерабенда, настала очередь философии. И основную роль в этом сыграла неопрагматистская риторика Рорти.

Рорти постоянно ссылается на Куна в своих многочисленных статьях, но существует и своего рода «водораздел» в этих обращениях к философии Куна, связанный с отношением Рорти к аналитической философии. На этапе написания «Философии и зеркала природы» Рорти адаптирует философию Куна к своей концепции «другой» (в сопоставлении с аналитической) философии. Здесь Рорти формирует свой имидж релятивиста, критикуя ценности аналитической философии, которую та унаследовала от канона, названного Рорти канонем Платона – Декарта – Канта. Непосредственно вслед за этим, в сборнике «Следствия прагматизма», особенно в статье «Философия в Америке сегодня», он обрушивается на аналитических философов с резкой критикой, достигая рубежа, с которого Рорти считается архиврагом аналитической философии. Между тем в весьма интересной работе «Томас Кун, скалы и законы физики», опубликованной в 1997 г., Рорти назвал себя маргинальным аналитическим философом, что осталось практически незамеченным исследователями творчества Рорти.

Релятивизм как философская доктрина по части своей известности вышел далеко за пределы узкопрофессиональных кругов. Красочное описание

¹ Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ (проект № 19-011-00437).

этого события 1970-х гг. дал Я. Хакинг: «Журнал Nature опубликовал статью с портретами четырех негодяев: Поппера, Куна, Лакатоса и Фейерабенда. Статья возлагала вину за решение миссис Тэтчер упразднить в Англии фундаментальную науку (и публичное молчаливое согласие с этим безобразием) на ужасную философию науки, пропагандируемую этими четырьмя злодеями. Поппер пропагандировал опровержение, Кун говорил о необходимости научных революций, Лакатос учил, что наука погрязла в море аномалий, а Фейерабенд проповедовал анархию, и все эти взгляды были плохи для масс, которые должны были, как утверждает статья из Nature, восхищаться наукой и отказаться от критического мышления» [2. С. 206].

Наибольшую известность в этой четверке занимал Томас Кун. Его книга «Структура научных революций» [3] долгое время была среди наиболее читаемых в университетах США и Западной Европы, а также России. Интересным побочным обстоятельством историцистской концепции развития физики Куна оказался ее перенос в область гуманитарных дисциплин. Присущая им бездоказательность дискурса была реабилитирована апелляцией к несоизмеримости парадигм, избавлявшей подобный дискурс от любой критики, как внутренней, так и внешней.

Понятно, что Кун яростно сопротивлялся такой интерпретации своих идей, полагая ее в корне неверной. Однако так же он относился и к другим интерпретациям, поначалу критикуя их, а впоследствии практически храня молчание. Но его уязвили не столько интерпретации со стороны гуманитариев, особенно философов, сколько критика профессиональных физиков. Поскольку научные революции, анализируемые Куном, относились к истории физики, многие критики после скрупулезного анализа указывали на уязвимые места в аргументации Куна, говоря об искажении истории физики или неверной ее интерпретации. Критика с другой стороны касалась того, что, говоря о научных революциях, Кун на самом деле имел в виду революции только на примере истории физики, и неясно, в какой степени его концепцию научных революций можно распространить на другие области науки. М. Фуко в этой связи говорит о «зрелых» и «незрелых» науках, делая акцент на том, почему парадигмальные сдвиги в науке могут относиться только к «зрелым» наукам [4. Р. 54–60].

В атмосфере этих противоречивых интерпретаций очень популярных идей Куна Р. Рорти сделал удивительный шаг, перенеся концепции Куна на философию, с первого взгляда самую отдаленную и неподходящую для применения куновских идей. Однако Рорти пошел дальше Куна, Лакатоса и Фейерабенда, которые были релятивистами в отношении научных истин; Рорти стал релятивистом в отношении самого понятия истины и объективности.

Коль скоро Кун стал реперной точкой в философии (или истории) науки, Рорти, впечатленный его «освободительной» миссией, должен был выбирать уже свой путь, ориентируясь на то, куда идти после Куна. И действительно, в подготовительных материалах к симпозиуму в Принстоне 1976 г. Рорти говорит о четырех путях такого рода [5. Р. 72].

Первый состоит в возвращении к тем идеям, которые предшествовали в определенном смысле идеям Куна, а именно идеям Куайна и Витгенштейна, а также к прагматистам и идеалистам до Куна. Очевидно, Рорти имеет в виду критику аналитической программы Куайном в «Двух догмах эмпиризма» [6.

С. 45–80], да и всю холистическую доктрину, включая тезис Дюгема – Куайна о недоопределенности теории экспериментальными данными. Что касается Витгенштейна, то трудно сказать, что именно имел в виду Рорти, если только не уподобить языковые игры парадигмам Куна. Во всяком случае, историцизм Куна был чужд Витгенштейну. Прагматисты и идеалисты много чего могли сказать по поводу истории мысли, но вряд ли это было бы хоть как-то созвучно Куну, да и такое ретроградное осмысление идей Куна вряд ли могло рассчитывать на плодотворность. Скорее всего, этот путь мыслился Рорти исходя из симметрии по отношению к остальным трем.

Второй путь состоял в обращении к тем философам, которые, по выражению Рорти, хотят «перекусить» Куна, людям типа Фейерабенда [7], Макинтайра [8], Тулмина [9].

Перечисленные выше философы действительно пошли дальше Куна, распространив его историцизм на этику, рациональность, культуру. Известно, что сам Кун активно возражал против ассоциирования своей философии с методологическим анархизмом Фейерабенда, хотя именно у последнего несоизмеримость парадигм получила наиболее четкое выражение. Разрушение единых стандартов этики Макинтайром представило гораздо более убедительные примеры несоизмеримости представлений о добродетели, чем мало кому известные примеры из истории физики. Итогом всего этого движения явилась атака на саму идею рационального дискурса, которую многие философы стали считать провалившимся проектом Просвещения.

Третий путь, по Рорти, состоял в обращении к критикам философии Куна, отличавшимся технической сноровкой в области математической логики и вовсе не уверенных в том, что времена рационального дискурса ушли в прошлое. К ним относятся, например, Х. Патнэм и У. Куайн, в чьих взглядах существенную роль играют прагматистские мотивы, но у которых отсутствует интерес к историцизму.

Четвертый путь состоял в обращении к тем людям, которые полагали позитивизм и прагматизм наивными, лишенными подлинной философской культуры, понимаемой, например, как герменевтическая интерпретация культуры Ю. Хабермаса или доклассический способ понимания М. Фуко природы как чтения текста. Эти взгляды ассоциировались как традиция, восходящая к Гегелю и находящая завершение у Хайдеггера.

Сам Рорти, пребывая на распутье, отверг второй путь, апеллируя уже не к критике эпохи Просвещения, а к более глобальной традиции в философии, а именно линии «Платон – Декарт – Кант». Все остальные пути реакции на философию Куна оставляют следы в более поздней философии Рорти. Однако это были лишь следы, а основная направленность мысли Рорти зрела в сторону буквального истолкования взглядов Куна через перенос его базисных концепций на философию. Как это можно было сделать? Есть три точки соприкосновения с Куном, которые намечает Рорти в качестве отправного момента своего довольно неожиданного предприятия.

Рорти следует идее исторических периодов в развитии философии, пытается ассоциировать переход от одного к другому сдвигом парадигм в философии. Радикальным шагом в этом направлении является убеждение Рорти, что в истории философии нет какого-либо набора проблем, которыми занимаются философы на протяжении всей истории. Внешне сходные вопросы в раз-

ные эпохи на самом деле оказываются совсем не одинаковыми. Так, Рорти говорит о сдвиге от парадигмы Декарта – Лейбница к философии XIX в. Он убежден в том, что некоторые ветви философии решительно отличны от предыдущих. Среди мыслителей, которые порывают с прошлым, Рорти называет Витгенштейна, Дьюи, Хайдеггера. Характеристикой разрыва являются историцизм и антифундаментализм. Убедительность такого рода прощания с прошлым зависит от выбора примеров. Эта проблема стояла еще перед Куном, которого упрекали в специально подобранных примерах, т.е. в подгонке под свою концепцию. Примеры, приводимые Рорти, еще менее убедительны, чем у Куна, который говорит об отсутствии критерия выбора «правильной» теории среди равноправных альтернатив.

Для того чтобы Рорти смог опереться на Куна, ему нужно было придерживаться определенных представлений о научных теориях, а не просто о философском дискурсе. Поэтому Рорти обращается к идее недоопределенности теоретических и концептуальных каркасов, претендующих на описание реальности. Коль скоро нет способа выделить, согласно Куну, среди альтернативных каркасов «правильный» или «объективный», не существует контакта с реальностью, помимо совокупности теорий, противоречащих друг другу. Эта отчужденность теоретических каркасов усиливается концепцией теоретической нагруженности терминов, согласно которой нет резкой границы между теорией и наблюдением. Таким образом, из-под понятия реальности выбивается опора в виде наблюдений, поскольку значение утверждений в рамках каркасов и самих наблюдений изменяется при появлении новой теории. Это подрывает фундаменталистскую программу обоснования знания Канта. Такой комплекс релятивистских идей является второй точкой соприкосновения Рорти и Куна. Рорти полагает, что наибольший вклад здесь внесли П. Фейерабенд и У. Селларс [10], первый – своей концепцией несоизмеримости значений теорий, а второй – критикой понятия данности эмпирических свидетельств.

На этом пути Рорти предлагает несколько способов противопоставления в виде дихотомий. Рорти противопоставляет нелюбимую им эпистемологию, которая ищет согласия описания с данными реальности, герменевтике, где важна интерпретация («разговор», в терминологии Рорти), не требующая вердикта в отношении выбора лучшей теории. Далее, эпистемология в куновской номенклатуре становится обычным периодом в развитии философии, а герменевтика – революционным. Эпистемологический застой сменяется герменевтическим ростом и развитием, что выходит за пределы идеала обоснования знания Просвещения.

Но герменевтика не является спасением в революционный период, поскольку некоторые революционеры продвигают новые парадигмы, ограничиваясь разрушением старых. И таким разрушителям нужно найти место в картине, которую рисует Рорти. К ним относятся, например, Дьюи и Хайдеггер, противостоящие позитивизму и тому, что становится аналитической философией. В этом случае Рорти прибегает к еще одной классификации, которая состоит в разделении философов на наставителей и систематиков. Рорти был обязан этими дихотомиями, конечно же, Куну. Если Кун полагал, что сумел утвердить мнение о неадекватности аналитической философии в качестве философии науки, то Рорти хочет утвердить мнение, что аналитическая фи-

лософия не может конкурировать с континентальной в качестве адекватного осмысления истории человеческого духа. Потому что проблемы философии, опять-таки в терминологии релятивистов, являются аномалиями. Именно разрешение аномалий является целью научных революций, и философская революция ничем не хуже научной.

Хотя Рорти следовал за Куном, тот не проявлял интереса к этой интерпретации своих взглядов. Больше того, «в своих интервью [Кун] постарался дистанцироваться от «релятивизма Рорти» и от сочинений различных других его поклонников, которые пытались вплести куновские доктрины в ткань философских направлений, которые Кун считал непривлекательными» [11. Р. 188].

Такая позиция Куна подтверждается и его личными взаимоотношениями с Рорти. Во второй половине 1970-х Кун был около двух лет профессором Института высших исследований в Принстоне, где вел семинар, который посещал Рорти, в то время профессор Принстонского университета. Несмотря на, казалось бы, благоприятные обстоятельства, которые должны были способствовать контактам этих двух мыслителей, оказалось, что неформальных (помимо семинара) встреч было только три. Н. Гросс говорит, отмечая этот факт, что это обычное дело для занятых профессоров в элитных университетах. Но это не совсем убедительное объяснение для столь редких контактов. Скорее всего, что Кун просто избегал такого рода встреч (не только с Рорти), будучи глубоко убежденным в искаженной ими интерпретации его результатов. Еще одним фактором в пользу этой гипотезы является правдоподобное предположение, что вряд ли Рорти отмачивался на семинарах Куна, а также то, как Кун мог реагировать на странный для него перенос его концепции научных (именно, естественно-научных!) революций на область философии. Хотя нет прямых свидетельств о какой-либо полемике между Рорти и Куном в тот период, есть косвенные, которые хорошо переданы самим Рорти в его замечании, что, с точки зрения Куна, Рорти был большим «релятивистом», чем он, и где, с его точки зрения, Рорти сошел с рельсов [Ibidem].

Причина, по которой Кун не солидаризировался с релятивизмом Рорти, состояла в том, что для Куна научный дискурс в иерархии знания был гораздо выше гуманитарного. С точки зрения Рорти, между двумя этими дискурсами нет особенных различий, тем не менее Рорти очень редко прибегал к примерам из науки, если исключить проблематику элиминативизма. Однако в критике сайентистской направленности аналитической философии он вынужден был обсудить и «Куна, и скалы, и законы физики».

Учитывая то, что научное сообщество, в частности физики, скептически приняло концепцию Куна, да и философы науки возражали ей по многим основаниям, за Куном закрепилась репутация скорее «историка науки». Рорти же полагает, что Кун являлся выдающимся философом, перекроившим карту культуры. Главная заслуга Куна, с точки зрения Рорти, состоит в демонстрации того, что показал сам Рорти, только уже в применении к естественным наукам, что ученые не имеют специального доступа к реальности или истине. Рорти обращает внимание на то, что Кун разрушил иерархию дискурсов, которая восходит к Платону: наверху иерархии находится математика, затем естественные науки и только потом гуманитарные.

При попытке использовать философию Т. Куна для своих целей Рорти оказывается в плену ряда противоречий. Во-первых, иерархия, о которой говорит Рорти, присутствует у Куайна [12], которого Рорти записывает в прагматисты и, следовательно, в свои сторонники. Принцип иерархии заключается в иммунности теоретического каркаса соответствующей науки в отношении возможного опровергающего опыта. Математика и логика практически не подвержены ревизии опытом, а, скажем, находящаяся внизу иерархии психология подвержена частым ревизиям. Рорти объявляет Куайна прагматистом, которому близки цели Куна, но нигде не указывает противоречия между ними, когда один созидает иерархию, а другой ее разрушает.

Аналитическая философия стремится подражать естественным наукам в строгой аргументации, регламентируемой логикой. В этом смысле наука является идеалом для аналитической философии. По мысли Рорти, Кун размыл различие между строгой аргументацией и риторикой в естественных науках, введя понятие парадигмы, что значило подрыв идеала. Таким образом, Кун сделал вопрос о научном статусе философии, поставленный Кантом и в значительной степени поддержанный Расселом, устаревшим. Рассел провозглашал логику сущностью философии, фактически инициировав саму аналитическую философию. Но в ходе развития этой программы оказалось, что понятие «научной ясности и строгости» постоянно подвергается изменениям. Рорти посчитал эту тенденцию самокритикой аналитической философии, хотя сами аналитические философы считают это просто очередным этапом в понимании природы языка.

Изменения шли в обе стороны: с одной стороны, логика все больше формализовывалась и математизировалась, а с другой – шла на уступки естественному языку в учете всего его многообразия. Рорти мог бы сам оценить характер подобных изменений. Так, в 1981 г. им была опубликована не совсем «профильная» для него статья «Есть ли какие-либо проблемы с дискурсом о фикциях?» [13. Р. 110–138], где он в числе прочих обсуждает онтологический статус несуществующих объектов А. Майнонга. Практически опровергнутая Расселом с его теорией дескрипций концепция Майнонга нашла в последнюю треть XX в. крайне интересные экспликации средствами модальной логики [14]. Вряд ли Рорти следил за этими вещами, а если бы следил, то вряд ли бы назвал это самокритикой аналитической философии. Что касается уступок в пользу риторики и обыденного языка, то тут Рорти был отчасти прав, поскольку оксфордская школа обыденного языка была ретроградным движением, и Рорти, как некоторого рода летописец его со своей антологией «Лингвистический поворот» [15], верно отметил, что это может быть расценено как самокритика. Таким образом, учитывая, что сам Рорти признал закат лингвистической философии, опыт с «самокритикой» аналитической философии вряд ли может считаться успешным.

Второе противоречие состоит в неправильном толковании Рорти идей Куна, который исходил из истории физики и неохотно говорил о философии. Кун разрабатывал понятие истории науки как истории «дисциплинарной матрицы», или парадигмы. После чтения Куна Рорти понял, что аналитическая философия лишь один из способов делать философию, а не открытие того, как наставить философию на научный путь. Рорти поссорился с коллегами, потому что те считали работы Куна лишь дополнением к программе

Рассела – Карнапа. Они не считали, что эти работы имеют какие-то метафилософские следствия, в то время как Рорти сделал из работ Куна далеко идущие выводы, зачислив его в свои сторонники.

Науку Рорти понимал в буквальном прагматическом духе как способ предсказания. И поскольку философия ничего не предсказывает, Рорти отказывает философии в научности, хотя в то же время не отказывает в применимости понятия дисциплинарной матрицы к философии. Смена дисциплинарных матриц по ходу истории философии, с точки зрения Рорти, дело обычное. Аналитическая философия, согласно этому взгляду, является «тестированием новой модели» философского исследования, предложенной Расселом и Карнапом. Континентальная философия, скажем, в лице Гегеля или Хайдеггера – это другая модель философского разговора. Предпочтение модели никак не зависит от ее «научного» статуса, поскольку строгость и ясность, приписываемые аналитической философии, есть апелляция к науке, которая не обладает ничем, кроме успеха в предсказании, что неприменимо к философии.

Но более серьезным противоречием в позиции Рорти оказалось то, что он стал невольным защитником философии науки, скорее аналитического толка. Хотя слово «невольным» на самом деле тут не очень уместно, поскольку, с нашей точки зрения, именно с этого момента, как уже говорилось выше, нежные симпатии Рорти к этой философии начали давать о себе знать.

Характерным признаком науки является консенсус среди «информированных исследователей». Но поскольку философия в общем не может похвастаться такого рода поведением ее практиционеров, это еще один повод отказать философии в научности. Но дело обстоит сложнее с аналитической философией, которая претендует на большую степень консенсуса среди своих представителей, чем это принято в традиционной философии. Эти претензии Рорти считает безосновательными, поскольку они основаны на старом представлении о структуре культуры: «Чтение Куна убедило меня и многих других, что взамен отражения культуры в эпистемолого-онтологической иерархии, верх которой логический, объективный и научный, а низ – риторический, субъективный и ненаучный, нам следует отражать культуру на социологический спектр, от хаотического левого, где критерии постоянно меняются, до аккуратного правого, где они, по крайней мере, на момент фиксируются... Рассуждая в терминах такой структуры, возможно считать, что дисциплина движется влево в революционный период и вправо в устойчивые скучные периоды – периоды, которые Кун назвал «нормальной наукой» [11. Р. 180].

Пользуясь таким представлением, Рорти обосновывает разделение на аналитическую и континентальную традиции. В сопоставлении физики и философии он рисует довольно интересную, хотя и достаточно общую картину: замечает, что в XV в. обе дисциплины – аристотелевская физика и схоластическая философия – занимали крайне правое положение. В XVII в. они сдвинулись влево, когда родились ньютоновская наука и философия Нового времени. В XX в. физика ушла вправо, а философия «отчаянно пыталась сделать то же самое. Именно тогда и произошел раскол на две традиции, каждая из которых претендовала на свой внутренний критерий профессионального успеха, состоявшего для аналитической философии в приближении к науке.

Но на самом деле, с точки зрения Рорти, философия мало преуспела в этом, и успех в ней остается ближе к успеху в остальных гуманитарных науках. Такое приспособление Рорти концепции Куна к объяснению ситуации с научностью в аналитической философии позволяет представителям континентальной философии не заботиться о своей «научности», поскольку они претендуют на свои собственные парадигмы. Этот процесс атомизации парадигм в гуманитарных дисциплинах описан у С. Фуллера в его книге о Куна [16].

Но противопоставляя Куна аналитическим философам, Рорти невольно защищает их, поскольку подменяет проблему научности философии вопросом о соотношении науки и философии науки аналитического толка. Это происходит потому, что, с его точки зрения, концепции Куна противостоят два типа исследователей: во-первых, это аналитические философы-реалисты, отвергающие «релятивизм» (в качестве примера можно указать Дж. Серла [17]), и, во-вторых, ученые в области естественных наук, которые видят себя «на вершине эпистемико-онтологической иерархии и не собираются покидать ее». Рорти критикует обоих, но критика последних фактически ведется в пользу философов науки, которые не отождествляют себя с учеными в области естественных наук. Рорти ошибочно полагает, что стремление уподобить методы философии естественно-научным методам означает такое отождествление. На самом деле, философы науки аналитического толка отстаивают свою автономию от естественных наук, поскольку ученые-естественники полагают, что они все знают о философии просто благодаря тому, что они просто ученые, и не вступают в дебаты, которые ведутся философами науки. Именно эту позицию ученых-естественников критикует Рорти, фактически оправдывая тех самых аналитических философов, которых он хотел бы критиковать. Эта противоречивая позиция Рорти может быть объяснима тем, что он борется «на два фронта» – защищая философию как автономную область исследований вообще и защищая в этой философии тех, кто не хочет ассоциировать себя с наукой. Но ясно, что аргументация в пользу первой позиции может по своей значимости перевесить аргументацию в пользу второй, поскольку противопоставление науки и философии является более важным вопросом, чем противопоставление направлений внутри философии.

В качестве примера ученого, который не считает философию достойной внимания, Рорти выбрал Стивена Вайнберга, лауреата Нобелевской премии, который считает, что «утверждения о законах физики находятся в одно-однозначном отношении с аспектами объективной реальности... [и что] объективная природа научного знания отрицается... влиятельными философами Ричардом Рорти и Томасом Куном, но она принимается как само собой разумеющееся большей частью ученых-естественников» [11. Р. 183].

Рорти обвиняет Вайнберга в напускании тумана: «Он [Вайнберг] разбрасывается терминами (например, «объективная реальность», «одно-однозначное соответствие»), которые являются предметом бесконечных философских размышлений и споров, как будто простой читатель превосходно знает, что они означают и могут позволить себе игнорировать утонченность людей, которые провели свою жизнь в размышлениях над смыслом этих понятий... Я сомневаюсь, что Вайнберг имеет какое-то более ясное представление о «кумулятивности» [критикуемой Куном], чем об «одно-однозначном соот-

ветствии». Но его намерения ясны: держать естественные науки наверху культурной стадной иерархии» [11. Р. 183–184].

Вайнберг, как и многие другие ученые, просто не понимают характера поднимаемых философами вопросов. Вступать в спор с Куном или Рорти – значит размышлять над этими вопросами. Если они хотят устранить эпистемолого-онтологическую иерархию, то надо говорить именно об этом, а не просто быть физиком.

Такая резкая реакция, направленная против некомпетентных мнений ученых-естественников о философских проблемах, не вызвала поддержки самого Куна: «Кун был смущен моей защитой его» [Ibid. Р. 187]. Кун, видимо, считал, что его разногласия с физиками – это внутренний вопрос, куда не должны вмешиваться такие философы, как Рорти. Здесь Рорти делает чрезвычайно важное признание, что имеется в виду «такой философ, как он (разуме что маргинально-аналитического вида – со многими литературными интересами, с любовью к метафорам и с другими симптомами интеллектуальной бессмыслицы)» [Ibid. Р. 187–188].

Рорти объясняет смущение Куна тем, что грандиозность современной науки настолько довела над Куном, что предпринятые им попытки отказаться от платонистской иерархии были связаны с «реверансами» в адрес естественных наук. Естественно, что любой философ науки делает подобные реверансы, и тогда его отход от платонистской иерархии чреват непоследовательностью. Вопрос, который стоит тогда перед аналитическим философом, заключается в том, готов ли он пожертвовать этой непоследовательностью или даже противоречивостью в пользу практически абсурдной последовательной позиции отрицания важности науки. Мало кто на это идет, и в этом отношении Рорти, называя себя маргинальным аналитическим философом, все-таки делает реверанс в сторону естественных наук. В противном случае зачем бы он признавался в маргинальности подобного рода.

Эпистемолого-онтологическая иерархия была четко выражена у Куайна с его градацией наук с точки зрения их иммунности от новых аномалий. Хотя идея этой иммунности была оформлена как тезис Дюгема – Куайна, она откровенно носит прагматистские одежды, поскольку явно выходит за пределы холизма Куайна. В определенном отношении и Кун исповедует эту эпистемико-онтологическую иерархию, отдав предпочтение в своей картине стоящей наверху иерархии физике. Но в целом, разрушая идею рациональности в обосновании науки, Кун объективно отвергает эту иерархию. Это просто конфликтная ситуация, которая не поддается простому решению. В условиях этого противоречия Рорти идет на компромисс, руководствуясь желанием заполучить себе в союзники как прагматиста Куайна, так и релятивиста Куна. Но в случае Куайна его прагматизм не гарантирует того, что аналитическая составляющая его философии является менее важной. Наличие подобного рода нестыковок говорит о том, что Рорти на данном этапе своей эволюции не имеет четкой позиции в отношении научной составляющей аналитической философии. В частности, Рорти несколько преувеличил свою близость к Ку-ну, проигнорировав разрыв между гуманитарным и естественно-научным знанием, который был чужд Куну.

Защита философов науки от самодовольства ученых-естественников является для Рорти способом отстаивания автономии философии. Это в высшей степени странное занятие для него, исходя из предсказанной им фактически «смерти философии» в «Философии и зеркале природы». Удивительно, но этого обстоятельства большинство исследователей творчества Рорти не замечают, хотя в определенном смысле это настоящий разворот в сторону аналитической философии. Рорти облакает этот поворот в более мягкие формы, говоря, что дело не в том, что философия должна быть научной, а том, что аналитическая философия выступает тут как вполне легитимный путь «делания» философии, хотя она и не становится при этом научной. Но он не поясняет, что же является сутью этого другого «способа» делания науки, кроме как уподобления философского метода научному методу.

Вопрос об эпистемолого-онтологической иерархии внутри науки как для Куна, так и для Рорти переносится в более широкие сферы: где в этой иерархии место философии или культуры? Это трудный вопрос для Куайна, который исповедует непрерывность философии и науки и в то же время устанавливает иерархию внутри науки. Но этот вопрос должен быть еще более трудным, скажем, для Вайнберга, потому что именно идея такой иерархии нужна ему для объявления некоторых вещей объективными, т.е. стоящими на более высокой ступени иерархии. В ответ на намерение Вайнберга ставить естественные науки на вершине иерархии, Рорти говорит следующее: «...я не хочу приписывать науке более низкое положение в этой системе куриных насестов. Что я хочу, так это прекратить использование таких терминов, как «реальный», «объективный», для конструирования такого порядка [11. Р. 338].

Цена такого отказа велика, поскольку она показывает, что релятивизм Рорти отнюдь не больше, чем релятивизм Куна, о чем свидетельствует признание Куна как раз в духе философии Рорти: «...осознают это индивидуальные практиционеры [науки] или нет, но они подготовлены для решения тонких загадок и вознаграждены в случае успеха – будь то инструментальные, теоретические, логические или математические загадки – как интерфейса между их феноменологическим миром и представлениями своего сообщества о нем» [18. Р. 338].

Признание мимоходом Ричардом Рорти себя «философом маргинально аналитического вида – со многими литературными интересами, с любовью к метафорам и с другими симптомами интеллектуальной бессмыслицы» – иллюстрирует основное противоречие в философии Рорти: стремление к объединению совершенно разных фигур в скроенную им концепцию «реактивной» несистематической аномальной философии как альтернативы аналитической философии. Зачисление релятивиста Куна в союзники натывается на непреодолимую приверженность последнего к эпистемолого-онтологической иерархии, тотально отрицаемой Рорти.

Литература

1. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск : Сиб. универ. изд-во, 1997.
2. Хакинг Я. Среднеевропейский фарс // Целищев В.В. Философский переписчик. Новосибирск, 2014.
3. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.

4. *Hacking I.* Michel Foucault's Immature Science // *Historical Ontology*. London : Harper University Press, 2002. P. 54–60.
5. *Gross N.* Richard Rorty: The Making of an American Philosopher. Chicago : Chicago University Press, 2008.
6. Куайн У. Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики. М., 2010. С. 45–80.
7. Фейерабенд П. Против метода : Очерк анархистской теории познания. М. : АСТ. 2007.
8. Макинтайр А. После добродетели. М. : Академический Проект, 2000.
9. Тулмин С. Человеческое понимание. М. : Прогресс, 1984.
10. *Sellars W.* Empiricism and the Philosophy of Mind. Cambridge : Harvard University Press, 1997.
11. *Rorty R.* Thomas Kuhn, Rocks, and the Laws of Physics // *Philosophy and Social Hopes*. London : Penguin Books, 1999. P. 174–189.
12. *Quine W., Ullian J.S.* Web of Belief. New York : Macgraw-Hill, 1978.
13. *Rorty R.* Is There a Problem about Fictional Discourse? // Rorty R. *Consequence of Pragmatism*. Minneapolis : Minnesota University Press, 1982. P. 110–138.
14. *Jacquette D.* Alexius Meinong, the Shepherd of Non-Being. Dordrecht: Springer, 2015.
15. *The Linguistic Turn: Recent Essay in Philosophical Method* / ed. R. Rorty. Chicago : The University of Chicago Press, 1967.
16. *Fuller S.* Thomas Kuhn. Philosophical History for Our Time. Chicago : Chicago University Press, 2000.
17. Сёрл Дж. Рациональность в действии. М. : Прогресс-Традиция, 2004.
18. *Kuhn T.* Afterwords // *World Change: Thomas Kuhn and the Nature of Science* / ed. P. Horwich. Cambridge : MIT Press, 1993.

Oksana I. Tselishcheva, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: oxanatse@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 48. pp. 72–83.

DOI: 10.17223/1998863X/48/7

RORTY'S NEO-PRAGMATIST RHETORIC IN VIEWING KUHN'S RELATIVISM

Keywords: neopragmatism; rhetoric, Rorty, Kuhn; epistemological ontological hierarchy; relativism; natural sciences, humanitarian knowledge.

The article deals with Rorty's non-pragmatist position in relation to the relativistic history of science represented by Kuhn in the concept of the structure of scientific revolutions. The transfer of the basic ingredients of Kuhn's methodology of science to philosophy required Rorty to introduce a new rhetoric for the pragmatic version of relativism. Central to this rhetoric is the conception of the fallacy of the epistemic-ontological hierarchy inherent in Kuhn's concept. In this hierarchy, the natural sciences occupy a higher position in knowledge than humanitarian studies of the nature of society and man. The neo-pragmatist rhetoric introduced by Rorty has two goals: on the one hand, to discredit the epistemic-ontological hierarchy by presenting his vision of the development of the natural sciences in the spirit of extreme relativism; on the other hand, to get close to Kuhn's relativism as a paradigm shift. It is shown, firstly, that Kuhn did not accept the identification of his concept with Rorty's relativism, and secondly, that Rorty's non-pragmatist philosophy requires its autonomy from the natural sciences, which reinforces the contradictions between Rorty and Kuhn. In trying to overcome these contradictions, Rorty calls himself a philosopher of "the only marginally 'analytical' kind – the kind with a lot of literary interests, a fondness for metaphor, and other symptoms of intellectual squishiness." This rhetoric illustrates the basic contradiction in Rorty's philosophy: the desire to unite completely different figures into the concept of "reactive" non-systematic abnormal philosophy as an alternative to the analytic philosophy he tailored.

References

1. Rorty, R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature]. Translated from English by V. Tselishchev. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo.
2. *Hacking, I.* (2014) *Sredneevropeyskiy fars* [Middle European farce]. In: Tselishchev, V.V. *Filosofskiy peregovork* [Philosophical copyist]. Novosibirsk: Omega-Print, 2014.

3. Kuhn, T. (2003) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Translated from English by I.Z. Naletov. Moscow: AST.
4. Hacking, I. (2002) *Historical Ontology*. London: Harper University Press. pp. 54–60.
5. Gross, N. (2008) *Richard Rorty: The Making of an American Philosopher*. Chicago: The University of Chicago Press.
6. Quine, W. (2010) *S tochki zreniya logiki* [From a Logical Point of View]. Translated from English by V.A. Ladov. Moscow: Kanon+. pp. 45–80.
7. Feyerabend, P. (2007) *Protiv metoda. Ocherk anarhistskoy teorii poznaniya* [Against the method. Sketch of the anarchist theory of knowledge]. Translated from English. Moscow: AST.
8. MacIntyre, A. (2000) *Posle dobrodeteli* [After Virtue]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii Proekt.
9. Toulmin, S. (1984) *Chelovecheskoe ponimanie* [Human understanding]. Translated from English by Z.V. Kaganova. Moscow: Progress.
10. Sellars, W. (1997) *Empiricism and the Philosophy of Mind*. Cambridge: Harvard University Press.
11. Rorty, R. (1999) *Philosophy and Social Hopes*. London: Penguin Books. pp. 174–189.
12. Quine, W. & Ullian, J.S. (1978) *Web of Belief*. New York: Macgraw-Hill.
13. Rorty, R. (1982) *Consequence of Pragmatism*. Minneapolis: Minnesota University Press. pp. 110–138.
14. Jacquette, D. (2015) *Alexius Meinong, the Shepherd of Non-Being*. Dordrecht: Springer.
15. Rorty, R. (ed.) (1967) *The Linguistic Turn: Recent Essay in Philosophical Method*. Chicago: The University of Chicago Press.
16. Fuller, S. (2000) *Thomas Kuhn. Philosophical History for Our Time*. Chicago: Chicago University Press.
17. Searle, J. (2004) *Ratsional'nost' v deystvii* [Rationality in Action]. Translated from English by A. Kolodiy, E. Rumyantseva. Moscow: Progress-Traditsiya.
18. Kuhn, T. (1993) Afterwords. In: Horwich, P. (ed.) *World Change: Thomas Kuhn and the Nature of Science*. Cambridge: MIT Press.